

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ ВОЛИ

В гностическом произведении "Апокриф Иоанна", источнике исключительно трудном и многоплановом, сложившемся во II в. и дошедшем до нас в четырех вариантах в коптских рукописях IV - начала V вв. (Наг-Хаммади, П,Ш,IV и Берлинский папирус 8502), есть пассаж, который рассматривается в данном докладе (БП, 64,13 - 71,2; НХ, III,32,22-36,15; НХ, II,25,16-27,31; НХ,39,16-43,6). Хотя этот пассаж не содержит собственно теоретической постановки проблемы свободы воли, он с полным правом может быть причислен к текстам, составляющим, так сказать, предысторию философской разработки проблемы. Последняя проступает в ткани мифологического повествования, будучи выраженной с помощью образного строя этого пассажа. Речь идет о диалоге Иоанна и спасителя. Иоанн спрашивает о судьбах человеческих душ ("... все ли души будут спасены в свете чистом?" - НХ, II,25,17-18). В ответах на сформулированные по-разному вопросы проступают две спорящие между собой возможности: 1/ спасение детерминировано гносисом; знание и спасение - одно (представление о "рождении", о нисхождении Духа жизни /πνα δπωνυ/, о достижении знания); 2/ знание и спасение не одно, поскольку допускается действие свободной воли (обсуждение судьбы тех, "кто познал и отвернулся" - НХ, II,27,22-23). Анализировавший памятник французский исследователь М.Тардые видит здесь противоречивость, обусловленную влиянием двух разных традиций: одной, учившей о спасении "по природе" и другой - о спасении "делом". По мнению же автора доклада, текст-каковы бы ни были его источники - обладает цельностью. Скрещивание двух принципов - предопределения и свободы воли - присуще самой проблеме, а не возникло при компоновке текстов разного происхождения. Аналогичное соотношение тех же двух принципов мы находим в другом разделе апокрифа, излагающем миф о падении Софии, весьма важный для анализируемого источника. Хотя исследуемый текст напоминает о постановке проблемы свободы воли в патристике, сходство поверхностно, поскольку гностицизму чуждо представление о личности, сформировавшееся в христианстве и придавшее разработке проблемы совершенно особые черты. Но среди поступков к постановке проблемы свободы воли в раннесредневековой философии наш текст заслу-

живает быть учтенным.

Прилагаем наш перевод с коптского анализируемого пассажа из кодекса П Наг-Хаммади.

25. ¹⁶И я сказал спасителю: "Господи, все ли души тогда будут спасены в свете чистом?" Он ответил и сказал мне: "Великие вещи ²⁰поднялись в твоём уме, ибо трудно обнаружить их перед другими, если не перед теми, кто от рода недвижимого. Те, на кого Дух жизни спустится и будет с силой, ²⁵— будут спасены и станут совершенными и будут достойны величия и будут очищены в этом месте от всего злодеяния и заботы испорченности. И нет у них заботы, если не ³⁰одна нерушимость, о которой они станут заботиться из этого места, без гнева, или ревности, или зависти, или желанья, или алчности ко всему. Они не заботятся ни о чем, кроме существования одной плоти, ³⁵которую они несут, ожидая время, когда они будут встречены 26. принимающими. Таковы суть достойные нерушимой вечной жизни и призыва. Они носят все и выдерживают все, ⁵ так что они совершат благое и унаследуют жизнь вечную". Я сказал ему: "Господи, души тех, кто не сделал этих вещей, но на кого сила Духа жизни спустилась (НХ, IV, I, 40, 25-25: будут ли они отброшены? Он ответил и сказал мне: "Если /Дух/ НХ, IV, I, 40, 26: спустился на них), они будут в любом случае спасены и обратятся. Ибо сила спустится на каждого человека, ведь без этого никто не сможет восстать. ¹⁵И после того, как они родились, тогда, когда Дух жизни становится могущественным и сила приходит и укрепляет эту душу, никто не может ввести ее в заблуждение делами лукавства. ²⁰Но те, на кого дух обманчивый спускается, совращаются им и впадают в заблуждение". Я же сказал: "Господи, а эти души, когда они выйдут из ²⁵плоти, куда они направятся?" И он улыбнулся и сказал мне: "Душа, в которой сила станет больше духа обманчивого, — она сильна, и бежит от лукавства, и попечением ³⁰нерушимого спасена, и взята в покой эонов". Я же сказал: "Господи, а те, кто не познал, кому он принадлежит, — где будут их души?" ³⁵И он сказал мне: "В тех дух обманчивый 27. набрал силу, когда они впали в заблуждение. И он томит душу, и совращает ее к делам лукавства, и бросает ее в заблуждение. И после того, как она ⁵выйдет /из тела/, ее отдадут властям, тем, которые произошли от архонта, и они сковывают ее оковами и бросают ее в темницу, и кружат ее до тех пор, пока она не пробудится от заблуждения и ¹⁰не достигнет знания. И, подобным

образом, когда станет она совершенной, она спасена". И я сказал: "Господи, как может душа умалиться и возвратиться в естество своей матери или в человека?" Тут он ¹⁵возрадовался, когда я спросил его об этом, и сказал мне: "Воистину, ты блаженный, ибо ты понял! Эта душа вынуждена следовать за другой с тех пор, как Дух жизни есть в ней. Она спасена через 20него. Ее не бросают в другую плоть". И я сказал: "Господи, те, кто познал, но отвернулся, — куда пойдут их души?" Тогда он сказаал мне: "Место ²⁵куда придут ангелы бедности, — туда они будут взяты. Это место, где нет покаяния. И они будут содержаться там до дня, в который те, кто злословил о Духе, будут пытаемы ³⁰и наказаны наказанием вечным".

Т.Ю.БОРОДАЙ

ПЛОТИН О ПРИРОДЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА (ЭННЕАДЫ
II,4 /12/, II,9 /33/, I,8 /51/)

Исследование некоторых явлений умственной жизни древности — в частности, так называемого "гносиса" — представляет множество трудностей методического порядка. С одной стороны, гносис, или гностицизм — вполне конкретное историческое явление — религиозное учение, в определенный момент и в определенном месте сложившееся, развившееся и оставившее ряд любопытных текстов; за недостаточностью источников трудно только указать, где границы, отделяющие это учение от многих других, в чем его особенность и смысл. С другой стороны, на протяжении всей античности и, может быть, раннего средневековья, существует направление философской и религиозной мысли, которое можно назвать (и называли, например, Прокл), "гностическим", или, если угодно радикально дуалистическим. Начало этой традиции в греческой философии кладет, видимо, Платон: часть его последователей (во главе с Аристотелем) опровергает его, обвиняя в дуализме, часть защищает от этих обвинений; среди выдающихся платоников только один — Плотин (2 в. н.э.) — отваживается последовательно довести дуалистические интуиции Платона до логического предела (трактат I,8) — и в остальном благоговейно почитавший Плотина Прокл называет его рассуждения о зле "гностическим заблуждением". В христианском